

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

Соина

Ольга

Сергеевна —

доктор философ-
ских наук, профес-
сор кафедры.

Сабиров

Владимир

Шакирович —

доктор философ-
ских наук, зав. ка-
федрой.

Авторы работают на кафедре философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск). Постоянные авторы журнала. E-mail: sabirov-soina@211.ru

ИСПЫТАНИЕ ДОБРОМ: ПРАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ И МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© 2018

DOI: 10.31857/S023620070000314-2

О.С. Соина, В.Ш. Сабиров

...Желаю, чтобы вы были мудры на добро
и просты на зло.

Рим. 16;19

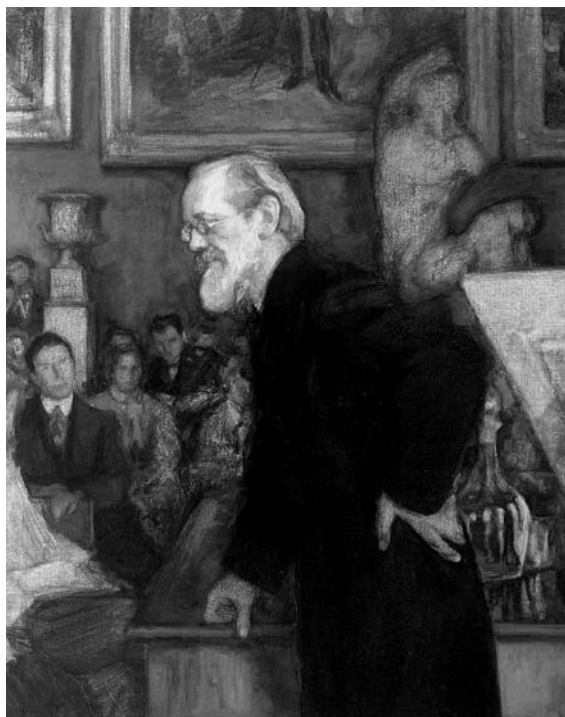
Существо проблемы, которую мы ставим и пытаемся решить в статье, заключается в том, что интенция к добру и поступки, совершаемые многими людьми на благо ближних, нередко приводят к прямо противоположным и подчас совсем неожиданным результатам: к умножению зла в мире и ненависти именно тех, кого, казалось бы, облагодетельствовали. В нравственно-психологическом плане данный аспект отношений между людьми, к сожалению, практически не привлекал особого внимания философов, зато к нему нередко проявляли живейший интерес мастера художественного слова и представители психологической науки — как в области теории, так и в сфере конкретной жизненной эмпирии. К примеру, в своем знаменитом романе “Воскресение” Л.Н. Толстой показывает, как исполненный благими порывами и к тому же беспрерывно морализирующий князь Нехлюдов пытается вызволить из места заключения и “возродить” духовно и морально некогда соблазненную им деревенскую девушку Катюшу Маслову, ставшую в новых жизненных условиях проституткой и практически преступницей. Однако, к величайшему удивлению “избавителя”, спасаемая решительно отказывается от всякой помощи и поддержки, увидев в “добром деле” обеспеченного и благополучного барина очередные фальшь и лицемерие. Более того — героиня отказывается признавать себя “несчастной и униженной”, поскольку без всякого напускного смущения считает свое социальное положение “важным и нужным”, и сама начинает изобретать способы облегчения своего жизненного положения, весьма далекие от элементарных моральных представлений и потому вполне естественно воспринимаемые как общественно порицаемые.

Современные психологи, возможно, усмотрели бы в приведенном литературном примере достаточно часто встречаемое в нынешнем социуме нарушение “психологических границ” личности. Оно зачастую возникает, когда та или иная благожелательная моральная инициатива, предлагаемая кому-либо очередным “доброжелателем”, вступает в откровенный диссонанс с внутренним миром объекта благодеяния, разрушая и взрывая его целостность и оттого отвергаемая им сразу, безоговорочно и бесповоротно.

Или же, предоставив объекту благодеяния разбираться со своими переживаниями самостоятельно, современная психологическая эмпирика целиком сосредотачивается на самом субъекте интенции добра, дотошно выясняя его мотивацию, принципы и убеждения, бесцеремонно вмешиваясь в его образ жизни. При этом она предполагает (возможно, не без некоторых оснований): коль стремление делать добро ближнему “во что бы то ни стало”, без прагматических расчетов и уж тем более надежд на адекватное воздаяние оказывается на удивление устойчивым, то и сам “доброжелатель” непременно нуждается в соответствующей психологической опеке — столь часто практикуемых в современном обществе “индивидуальных консультациях”.

Между тем для философа, интересующегося праксиологическими и метафизическими аспектами этого чрезвычайно сложного вопроса нравственной философии, в данном случае важно совершенно другое: почему действительно добрые люди нередко страдают от своей доброты и часто вместо благодарностей и почестей получают откровенную ненависть и презрение окружающих и таким образом проживают в какой-то мере несчастную жизнь? Почему именно добрых людей не уважают и, более того, не замечают не только в современном социуме, но и “с начала времен”, пытаются обделить, обойти, унижить и в конечном счете попирают их элементарные житейские права? Почему вокруг добра и их носителей извечно возникают какие-то трагико-драматические ситуации, а обыватель, равнодушный как к добру, так и к людям, в той или иной мере оное добро представляющим, живет в спокойствии и благоденствии? Именно в указанной связи может возникнуть сакраментальный вопрос: неужели следует отказаться от добра как ценности и цели и довольствоваться исключительно прагматическими формами существования? Разумеется, подобный вывод был бы трагической ошибкой, от которой хотелось бы предостеречь всех, кто “обжигался” на сложном пути искания добра и попыток осуществить его в жизни собственными практическими усилиями. И все же как творить добро, чтобы от него в мире не прибавлялось вражды и горя, а сам носитель добра особо не страдал от собственных благодеяний?

Чтобы выбрать правильный акцент в осмыслении этой действительно в какой-то мере роковой проблемы этики, приведем небезынтересное высказывание историка В.О. Ключевского:

Л.О. Пастернак.
Портрет историка
В.О. Ключевского.
1909. Афоризм
Ключевского:
“Добрый человек —
это не тот, кто
умеет делать добро,
а тот, кто не умеет
делать зла”

“Спросите, что значит делать добро ближнему, и возможно, что получите столько же ответов, сколько у вас собеседников. Но поставьте их прямо перед несчастным случаем, перед страдающим человеком с вопросом, что делать, — и все будут готовы помочь, кто чем может” [3]. Как представляется, обозначенная нами проблема может быть более или менее успешно решена не столько в сфере этической теории, неизбежно провоцирующей поистине фантастическое множество вариантов ответа, но преимущественно в области *нравственного праксиса*.

Первое, что приходит на ум в связи с поставленной проблемой, — именно то, что, возможно, добрые поступки совершаются не вполне подобающим образом, без должного такта, да и вообще духовно невыверенным образом. Здесь, безусловно, явно недоста-

точно одной лишь интенции к добру, одного желания быть добрым человеком и таким образом творить добро по нравственному порыву или из соблюдения определенного, взятого на себя морального обязательства. Вообще, по-видимому, именно для “творения” добра крайне необходим особый тип нравственной рефлексии, которую Паисий Святогорец любил называть “рассуждением” [1]. Мы же подразумеваем под ней “нравственный ум человека” [см. об этом: 6], в равной мере ограждающий последнего как от демонстративно практикуемого доброхотства, так и от порывов помощи и поддержки людям, чье поведение и образ жизни уже, может быть, и не требуют педалированного морального вмешательства.

Прежде всего надо перестать практиковать “добро” как некий жизненный “перформанс”, как правило устраиваемый на глазах у “всех”, пусть даже с самой благой, но при этом явно демонстрационной целью. Иными словами, если человек, помогая людям, понимает это как сознательное и целенаправленно практикуемое “делание добра”, то он сам, скорее всего, того вовсе не желая субъективно, невольно создает почву для многочисленных разнообразных будущих обструкций. Так, по-видимому, добро вообще не следует “делать” специально, как некую особенную сверхценность, которой затем можно гордиться, дорожить, любоваться и о которой периодически тщеславно вспоминать как о чем-то исключительном и неповторимом. Вероятно, поэтому расхожая формула “спешите делать добро”, понимаемая

не слишком обремененным нравственной рефлексией обыденным сознанием как указание к незамедлительному действию, требует самых серьезных комментариев, прямо или косвенно ставящих под сомнение ее непосредственную буквализацию.

Более того, совершая акт доброй воли по отношению к кому бы то ни было, человек должен предварять его хотя бы минимальной нравственной рефлексией, направленной именно на объект своих непосредственных “добродетельных” усилий. Крайне важно попытаться понять, какую жизненную пользу принесет тот или иной поступок физическому существованию, душевной организации и, наконец, духовному состоянию индивида. Так, материальная помощь, которая может прямо и непосредственно способствовать улучшению жизненных обстоятельств, у одних ее получателей не вызывает никаких негативных душевных переживаний, других же она, напротив, оскорбит, третьих — развратит, ибо те усмотрят в ней источник постоянных житейских притязаний и, будучи временно лишенными его по тем или иным причинам, могут просто-напросто возненавидеть самого помогающего.

Жалость и сострадание, проявленные к различным людям, также могут вызвать у них самые неожиданные реакции — от искренней благодарности до зачастую публично проявляемых и крайне аффектированных раздражения и ненависти. Все эти сугубо житейские последствия слишком поспешного и неумелого “делания добра” в целом достаточно заурядны и в обыденной жизни встречаются достаточно часто. Но даже привыкшее к их роковой неизбежности и в качестве некоего ответа на них изобретшее горестную пословицу “Не хочешь зла, не делай и добра” человеческое сознание нередко встает в тупик перед крайне трудно разрешимым вопросом: как же предвидеть, какие духовные последствия принесут человеку наши благодеяния? Например, как отнестись к глубоко страдающему человеку? Искоренить, если это в наших силах, причину его страданий, просто посочувствовать и скорбеть с ним вместе или же просто предоставить его самому себе, имея в виду благотворное значение страданий для духовно-нравственного совершенствования человека?

По всей вероятности, на данный вопрос нет и не может быть унифицированного ответа и каждый из нас на свой страх и риск, руководствуясь собственной духовной интуицией, делает в подобной ситуации то, что считает нужным. Однако любой не слишком искушенный “творец” добра рано или поздно сталкивается здесь с извечной драмой жизни, в свое время гениально усмотренной трагикомическим персонажем знаменитого рассказа Л. Андреева: единого *правила добра* попросту не существует, и трижды наивен тот, кто на свой страх и риск пытается его отыскать, ломая свою жизнь и подвергая опасности чужие человеческие судьбы. Между тем *реальная* и в то же время явно *порочная практика* применения духовно невыверенного и нравственно неоправданного добра все-таки существует, причем в до-

статочны разнообразных видах и проявлениях. Рассмотрим, по мере наших сил и возможностей, некоторые из них.

Добро по склонности

Вообще добро всегда направлено непосредственно на кого-либо, поскольку помощь, как правило, оказывается вполне конкретным людям и во вполне определенных жизненных обстоятельствах. Однако при этом стремящийся сделать добро, к сожалению, далеко не всегда задумывается, насколько морально оправданными бывают отдельные его поступки. Часто человек совершает их отнюдь не из стремления утвердить то или иное “правило добра” или вследствие рационально фиксируемого *принципа* добродетельного поведения (как полагал, например, И. Кант), но скорее по определенной склонности, которую крайне трудно обосновать рациональным образом и которая именно по названной причине представляет некоторую загадку для сколько-нибудь обстоятельного анализа. Задумаемся, почему человек тянется к одним и отчуждается от других? Почему одни воспринимаются им с симпатией и расположением, а другие, напротив, вызывают у него глубокое, иногда ничем не оправданное чувство неприязни?

По-видимому, И. Кант, несмотря на многие противоречия и парадоксы, в целом присущие его этической теории, был глубоко прав, безоговорочно отделив мораль от эмоций и склонностей человека, ибо в противном случае никакой единой содержательной основы для морального общения у людей просто бы не существовало. Более того, если склонности людей, их симпатии и антипатии, приязни и неприязни рассматривать в качестве основополагающего фундамента морали, то рано или поздно любой социум неизбежно разложился бы в силу неистребимой потребности человеческой природы гипертрофировать и в результате этого доводить до абсурда любые противоречащие друг другу аффекты и переживания. Да и вообще роковым следствием выведения *морали из склонности* и, таким образом, стремления рассматривать добро в аспекте приязни человека к благодетельствованному им индивиду неизбежно оказалась бы *война всех против всех*. Ибо вопрос о том, что следует считать добром исключительно на основании расположения друг к другу людей, народов, общностей и государств, со временем привел бы человечество к, может быть, уже непреодолимой социокультурной и геополитической катастрофе. Поэтому для всех, кто желал бы избежать негативных последствий от “добра”, совершаемого кем-либо исключительно по склонности, вполне мог бы пригодиться нехитрый императив житейской мудрости: *Если вам кто-либо не нравится, подумайте: а что плохого он вам сделал? Если вам кто-нибудь нравится, подумайте: а что хорошего он вам сделал?*

Если вдуматься в это, на первый взгляд, простое, без морализации и излишней рефлексии, рассуждение, то вполне может

оказаться, что первый человек не сделал вам ровным счетом ничего плохого, а второй, наоборот, — ничего хорошего. Поэтому простейшим этическим выводом из такого незатейливого правила могут стать не пессимизм, мизантропия или нередко практикуемый современным человеком моральный релятивизм, но выверенная и выношенная нравственным умом интеллектуально чуткого человека атмосфера взаимной терпимости людей друг к другу и, как следствие, состояние особой нравственно-интеллектуальной солидарности, где никто не будет погран или не по достоинству вознесен, что, по существу, и отвечает социальному предназначению морали, ибо вся она зиждется именно на духовном равенстве людей. Поведение же, всецело основанное на склонностях и лишенное рационально-критических оценок и выводов, по преимуществу чревато утверждением нравственного и духовного неравенства, а затем — социально-этической сепарацией людей, народов, государств и рас, а также неоправданным превознесением одних и принижением других, что в свою очередь, повторимся, может привести к необратимым социокультурным катастрофам.

Помогая людям исключительно в силу внутренних симпатий или склонностей либо движимый расовыми, этнически-национальными или кровно-родственными расположениями и предпочтениями, человек тем самым рано или поздно превысит меру благодетельности добра, которое будет расцениваться принимающей стороной в качестве должного и неизбежно-необходимого, что со временем непременно разделит человечество на однозначно “своих” и однозначно “чужих”, то есть уже принципиально *не воспринимающих добро* в качестве всеобъединяющего и всепримиряющего морального феномена. Разумеется, ожидать потом от людей, отказавшихся от единства “в добре”, ответной помощи или хотя бы благодарности за “добрые дела”, было бы в лучшем случае совершенной наивностью. К сожалению, эти в целом простые, не требующие особых интеллектуальных усилий рассуждения в настоящее время воспринимаются далеко не всеми. Отсюда, с одной стороны, непрестанные обиды, жалобы и разочарования в “ближних”, бесконечные моральные тупики и психологические коллизии во внутреннем мире человека, а с другой — откровенная агрессив-

Памятник И. Канту скульптора К.Д. Рауха в Калининграде (создан в 1857, установлен в 1864 году). И. Кант утверждал: “Не страх, не склонность, а исключительно уважение к закону составляет тот мотив, который может придать поступку моральную ценность”

* Альтруизм альтруизму рознь. В данном случае речь идет не о жертвенном служении людям, которое обусловлено чувствами милосердия и сострадания к ним, и не о самоотверженном поступке человека в экстремальных условиях, сопряженных с жертвой здоровьем или даже жизнью ради блага других [“Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Инн. 15:13)], а о поведении, основанном на определенных идеях: религиозных, политических, морально-этических, — о которых не без оснований говорится: “Благими намерениями вымощена дорога в ад”.

ная реакция “неблагодарных”, неожиданно для себя услышавших сетования и упреки “благодетелей”.

Резюмируя вышесказанное, еще раз подчеркнем, что *добро по склонности* именно в силу неистребимой сложности человеческой природы может разрушать и самого “благодетеля”, и человека, так или иначе выступающего объектом благотворительных усилий. И в данном контексте весьма небезынтересен вопрос: как же связано добро с нравственной природой того индивида, который вопреки всему все-таки пытается его совершать и таким образом вольно или невольно старается вынести его в мир? Попробуем ответить, не претендуя на слишком многое, поскольку отношение к сделанному добру может самым непосредственным образом зависеть и от того, от кого оно исходит.

Альтруизм как идейная установка

Как правило, альтруистическая установка* крайне привлекательна тем, что обладающий ею человек несомненно поступает самоотверженно, не эгоистично и вполне бескорыстно — иными словами, не думает о личном благе, которое может извлечь для себя благодаря своим добрым начинаниям. Однако, как это нередко бывает в преисполненной многочисленных противоречий и парадоксов нравственной жизни человека, именно *переизбыток социальной озабоченности*, зачастую превосходящий всякую разумную меру готовности лично устранить драмы и коллизии этого мира, оборачивается удивительным неумением деятельно и разумно помочь человеку в конкретной жизненной ситуации. Поэтому, представляя собой в нравственно-психологическом плане своего рода *гипертрофию аффекта сочувствия*, альтруистическая установка крайне уязвима духовно. Не случайно Спаситель, как бы предвидя возможность аберрации, альтруистического искажения своей заповеди любви к ближнему, добавляет знаменательные слова — “как самого себя”.

Именно вследствие сосредоточенности альтруистического сознания всецело на самом *себе* и исключительно на индивидуалистически замкнутых переживаниях *своего* субъективно заданного *действия* добра и возможных умозрительно-мечтательных представлениях о неизбежно “благих” последствиях сего деяния альтруизм с подлинно христианской точки зрения неприемлем: «Совершенно очевидно, что “альтруизм” как простая внутридушевная направленность на “других людей” и их жизни не имеет ничего общего с любовью. Ведь, например, и злой человек тоже забывает о *своих* интересах, о самосохранении, думая лишь о переживаниях другого, — о вреде, который он ему наносит, о страдании, который тот испытывает. И наоборот, существует подлинная “любовь к самому себе”, не имеющая ничего общего с “эгоизмом”: сущность ее заключается как раз в том, что в ней дана и постигается во всей полноте не ценность изолированного индивида, а человека в *отношении* к другим людям, человека как

члена общества, который стремится “приобрести” и “иметь” не-
что *большее*, чем других» [9].

Однако чтобы наши рассуждения приобрели зримую полно-
весность, достаточно хотя бы сослаться на революционеров всех
времен и народов, пытавшихся, во многом исходя именно из
альтруистических убеждений, построить совершенное общество,
дабы таким образом “осчастливить” всех и вся, что на деле обо-
рачивалось различными формами террора, откровенного наси-
лия над людьми и народами, а затем уже — теми или иными ви-
дами тоталитарного социума. Сюда, по-видимому, также можно
отнести разного рода религиозных фанатиков и сектантов, ино-
гда добровольно жертвующих своими жизнями, но при этом от-
нюдь не щадящих жизни других. В довершении сошлемся на по-
весть Л.Н. Толстого “Казачи”, где альтруизм одного из главных
героев, Дмитрия Оленина, хотя и представлен не в столь край-
них формах, но тем не менее вызывает у всех окружающих не
только недоумение, но и откровенную подозрительность.

Согласно сюжету упомянутого толстовского произведения,
Дмитрий Оленин (от его лица ведется повествование), молодой
барин, приехавший вольнонаемным юнкером на Кавказ, в ка-
зачью станицу, однажды пережил нечто вроде духовного озаре-
ния: «И вдруг ему как будто открылся новый свет. “Счастье —
вот что, — сказал он себе, — счастье в том, чтобы жить для
других. И это ясно. В человека вложена потребность счастья;
стало быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то есть
отыскивая для себя богатства, славы, удобств жизни, любви,
может случиться, что обстоятельства так сложатся, что невоз-
можно будет удовлетворить этим желаниям. Следовательно,
эти желания незаконны, а не потребность счастья незаконна.
Какие же желания всегда могут быть удовлетворены, несмотря
на внешние условия? Какие? Любовь, самоотвержение!” Он
так обрадовался и взволновался, открыв эту, как ему показа-
лось, новую истину, что вскочил и в нетерпении стал искать,
для кого бы ему поскорее пожертвовать собой, кому бы сделать
добро, кого бы любить. “Ведь ничего для себя не нужно, — все
думал он, — отчего же не жить для других?” Он взял ружье
и с намерением скорее вернуться домой, чтобы обдумать все
это и найти случай сделать добро...» [7, с. 222–223].

И случай вскоре подвернулся: узнав, что у молодого казака
Лукашки нет своей лошади, Оленин сразу же реализовал свою
“теорию” практически — подарил тому своего коня, лишение
которого, конечно, не было для толстовского героя особенно
чувствительным, но вместе с тем доставляло ему некоторые
житейские неудобства. При этом восторг от так быстро осуще-
ствленного “доброго дела” явно нуждался в столь же быстром
и адекватном отклике окружающих, которые, к крайнему разо-
чарованию “доброго” барина, не только не разделили его бла-
гих порывов, но даже усмотрели в них либо очередную барскую
дурь, либо чудачество, а то и плохо скрытые недобрые намере-

Оленин в исполне-
нии Л. Губанова.
Кадр из фильма
В. Пронина “Каза-
ки” по одноименной
повести Л.Н. Тол-
стого. 1961

ния. Надо отдать должное удивительной духовной проницательности молодого Л.Н. Толстого, показавшего, насколько быстро разоблачает себя самое эта показная и вульгарно-публичная *альтруизация добра*. “Он [Оленин] как мальчик радовался и не мог удержаться, чтобы не рассказать Ванюше [слуге] не только то, что он подарил лошадь Луке, но и зачем подарил, и всю свою новую теорию счастья. Ванюша не одобрил этой теории и объявил, что *ларжан ильняпа* (денег нет — искажен. франц.), и потому все это пустяки” [там же, с. 231].

Разумеется, с этой отчасти напускной, но в то же время сугубо умственной, придуманной “добротой” Оленина отнюдь не были солидарны не только его слуга, но и благодетельствованный им Лукашка, а также все станичники, в конце концов узрившие в странном поступке молодого юнкера нечто вроде плохо закамуфлированного злобного умысла. «Лукашка пошел один на кордон и все раздумывал о поступке Оленина. Хотя конь и не хорош был, по его мнению, однако стоил, по крайней мере, сорок *монетов*, и Лукашка был очень рад подарку. Но зачем был сделан этот подарок, этого он не мог понять, и потому не испытывал ни малейшего чувства благодарности. Напротив, в голове его бродили неясные подозрения в дурных умыслах юнкера. В чем состояли эти умыслы, он не мог дать себе отчета, но и допустить мысль, что так, ни за что, по доброту незнакомый человек подарил ему лошадь в сорок *монетов*, ему казалось невозможно. Коли бы пьяный был, тогда бы еще понятно было: хотел покуражиться. Но юнкер был трезв, а потому, верно, хотел подкупить его на какое-нибудь дурное дело. “Ну да врешь! — думал Лукашка. — Конь-то у меня, а там вид-

но будет. Я сам малый не промах. Еще кто кого проведет! Посмотрим!” — думал он, испытывая потребность быть настороже против Оленина и потому возбуждая в себе к нему недоброжелательное чувство. Он никому не рассказывал, как ему достался конь. Одним говорил, что купил; от других отделялся уклончивым ответом. Однако в станице скоро узнали правду. Мать Лукашки, Марьяна, Илья Васильевич и другие казаки, узнавшие о беспричинном подарке Оленина, пришли в недоумение и стали опасаться юнкера» [там же, с. 232].

Все опасения житейски мудрых казаков со временем оказались не напрасными. Альтруизм Оленина, желание делать добро людям по надуманной “теории”, по умозрительно сконструированной “формуле добра” исчезли, будто утренний туман от лучей восходящего солнца, как только тот понял, что влюбился в Марьяну, невесту Лукашки: “Я писал прежде о своих новых убеждениях, которые вынес из своей одинокой жизни; но никто не может знать, каким трудом выработались они во мне, с какою радостью сознал я их и увидал новый, открытый путь в жизни. Дороже этих убеждений ничего во мне не было... Ну.. пришла любовь, и их нет теперь, нет и сожаления о них. Даже понять, что я мог дорожить таким односторонним, холодным, умственным настроением, для меня трудно. Пришла красота и в прах рассеяла всю египетскую жизненную внутреннюю работу. И сожаления нет о исчезнувшем! Самоотвержение — все это вздор, дичь. Это все гордость, убежище от заслуженного несчастья, спасение от зависти к чужому счастью. Жить для других, делать добро! Зачем? когда в душе моей одна любовь к себе и одно желание — любить ее и жить с нею, ее жизнью. Не для других, не для Лукашки я теперь желаю счастья. Я не люблю теперь этих других. Прежде я бы сказал себе, что это дурно. Я бы мучился вопросами: что будет с ней, со мной, с Лукашкой? Теперь мне все равно. Я живу не сам по себе, но есть что-то сильнее меня, руководящее мною. Я мучаюсь, но прежде я был мертв, а теперь только я живу. Нынче я пойду к ним и все скажу ей” [там же, с. 268].

Вообще описанные колебания настроений — от сугубо рациональной и тем не менее предельно аффектированной “любви” ко всему “человечеству” до отвращения и даже ненависти к нему, именно когда “человечество” в форме “ближнего”, а не “дальнего” реально (на деле вдруг приблизится к альтруисту и потребует от него конкретного участия в тех или иных делах и поступках), — очень характерны для всего личностного склада подобного человеческого типа и разоблачают его и предметно, и эмпирически. Особенно интересна в этом плане беседа старца Зосимы с мадам Хохлаковой в “Братьях Карамазовых” Ф.М. Достоевского. Писатель устами своего героя дает, быть может, самое убедительное разоблачение нравственной психологии альтруиста по “теории”: “Любовь мечтательная жаждет подвига скорого, быстро удовлетворимого и чтобы все на него глядели. Тут

действительно доходит до того, что даже и жизнь отдают, только бы не продлилось долго, а поскорей совершилось, как бы на сцене, и чтобы все глядели и хвалили. Любовь же деятельная — это работа и выдержка, а для иных так, пожалуй, целая наука” [2].

Однако нельзя не отметить, что альтруизм такого рода — сугубо рациональный и при этом исключительно аффектированный психологически; умственный и одновременно безгранично мечтательный; основанный на тайно лелеемой идее своего безграничного нравственного совершенства и в то же время болтливый до исступления (то есть непрерывно требующий от людей благодарности и одобрения) — совершенно непродуктивен прежде всего в контексте самой природы моральных отношений как субъекта, так и объекта этого нравственного действия. Именно здесь постоянно нарушается принцип равенства субъектов нравственной жизни, предполагающий возможность более-менее эквивалентного обмена моральными ценностями, и потому неизбежно присутствует момент явной или скрытой мессианской претензии людей, которые так или иначе берут на себя право переустраивать многосложную жизнь человечества на основании той или иной “формулы добра”. В метафизическом плане подобный альтруизм опасен и разрушителен для всякого нормально развивающегося человеческого социума уже хотя бы потому, что грубо вторгается в жизненный строй людей с их привычками, поступками и, наконец, субъективными духовно-нравственными взглядами и предпочтениями. Более того, подобное “вторжение”, пусть даже и совершаемое с возвышенно-благими намерениями, не может не расстраивать своеобразную духовно-нравственную “гармонию” жизни людей и таким образом понапрасну облегчать им несение некоего “креста” их бытия, который есть неизбежное следствие индивидуально-неповторимой судьбы каждого человека.

Облегчив жизнь кому бы то ни было по сугубо умозрительному порыву и без данной на то духовной санкции свыше, “благодетель” нередко берет на себя тяжесть чужой судьбы со всеми ее скорбями и страданиями, усложняющими его реальную жизнь иногда ничем не оправданными испытаниями. Именно поэтому каждый духовно чуткий и метафизически одаренный человек прекрасно осознает ложность, провокационность и разрушительную энергетику умозрительного альтруизма. “Все, что ты отдал во имя Божие, — писал по этому поводу святитель Николай Сербский, — ты получишь с лихвой; все, что ты отдал ради собственной славы и гордости, ты бросил в воду. Все, что ты принял от людей, как от Бога, принесло тебе радость; все, что ты принял от людей как от людей, принесло тебе заботы” [5].

Доброхотство

Крайне неадекватный в духовно-нравственном плане способ делания добра представляет собой также *доброхотство*;

в то же время *доброхот* есть несомненно особый тип человека, как правило слишком часто отторгаемый окружающими без каких-либо, в особенности на первый, непредубежденный взгляд, внятных причин и побуждений. В отличие от альтруизма, в основном построенного на определенной идейной основе и в известном смысле явно предполагающего хотя бы скромную степень моральной рефлексии, доброхотство и в целом, и в частности производно именно от природной сущности человека и практически всегда проявляется в виде особого эмоционального порыва отзывчивости.

Нет сомнений в том, что существует порода людей добрых от природы. Об этом прекрасно свидетельствуют не только выражение их глаз, мимика, улыбка, но и весь облик. И разумеется, больше всего их поступки. И было бы совершенно замечательно, если бы многочисленные порывы доброхота по улучшению жизни всех и вся, зачастую без разбора и особой жизненной необходимости, не затрагивали бы самым непосредственным образом интересы других людей, прежде всего близких самого доброхота. Дело в том, что люди данного типа, нередко принимая решение о помощи кому бы то ни было, поступают, как это ни парадоксально, достаточно эгоистически, ибо не принимают в расчет, скажем, ни ситуацию в своей семье, ни даже мнение на этот счет окружающих.

Нравственно-психологический склад классического доброхота достаточно сложен и, строго говоря, требует отдельного рассмотрения, гораздо более обстоятельного, чем мы здесь можем себе позволить. Так, по-видимому, определяющим нравственным мотивом доброхота помогать всем и каждому, в буквальном смысле слова “без разбора” жизненной ситуации, обстоятельств и личностных качеств того или иного принимающего помощь индивида, выступает бескорыстная и не опосредованная никакой предварительной моральной рефлексией готовность принять участие и *дейтельно* помочь любому терпящему какое бы то ни было житейское бедствие. Причем помочь безотлагательно и бескорыстно, не требуя взамен решительно ничего, даже адекватную нравственную компенсацию. Однако крайне редко встречающийся в обыденной житейской практике, в высшей степени благородный порыв доброхота, к сожалению, чрезвычайно уязвим психологически — как со стороны принимающих его помощь и участие, так и в аспекте его субъективных моральных переживаний.

По существу, ничего не жалеющий для людей доброхот, готовый поступиться *решительно всем*, лишь бы сколько-нибудь облегчить существование любому встречному, нередко впоследствии, а то и сразу же по получении всеми нуждающимися помощи и поддержки, вдруг становится объектом постоянной и жестокой эксплуатации. А помощь, оказанная ближнему с теплотой и участием, со временем им начинает восприниматься как *подачка* имущего неимущему, которая должна непременно и безогово-

ЧЕЛОВЕКОЗНА- НИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Князь Мышкин
в исполнении
Ю. Яковлева.
Кадр из фильма
И.А. Пырьева
“Идиот”. 1958

точно возобновляться. Таким образом, будучи постоянно эксплуатируем многочисленными объектами своих добродетелей, доброхот, порой сам того не замечая, оказывается в почти непреодолимой зависимости, с одной стороны, от своей же собственной нравственной природы, постоянно “требующей” от него все новых и новых проявлений милосердия, а с другой — от раздражающего его на части обездоленного мира, просящего у него, зачастую совершенно откровенно и беспринципно, очередных духовно-нравственных “жертвоприношений”.

В итоге, разрушая себя как личность, подвергая опасности прочность и устойчивость своего жизненного мира, доброхот не столько помогает своим моральным “клиентам”, сколько нравственно развращает их, приучая получать помощь и поддержку “даром”, без всякого волевого участия с их стороны и, конечно, без особой благодарности или хотя бы ответных знаков внимания самому “благодетелю”. Примеров доброхотства в классической культуре очень много — начиная от достопамятного Дон Кихота М. де Сервантеса и князя Мышкина Ф.М. Достоевского и заканчивая трагедией “позднего” Л.Н. Толстого. Последняя заключалась в том, что великий писатель напрочь запутался в отношениях с семьей, требовавшей наследства и живущей практически на доходы с его трудов, и необъятным морем русского народа, которому “опростившийся барин” оказался вечно “должен”; и долги эти, нравственные и социально-имущественные, по-видимому, необходимо было платить ежедневно и ежечасно.

Или вспомним, к примеру, жизненную драму Вл. Соловьева, зарабатывавшего своим педагогическим и литературным трудом сравнительно неплохие деньги и тут же раздававшего их всем и каждому по первому же их требованию. Как-то в лютый мороз его оставили без добротной шубы, на что мыслитель пошел совершенно добровольно, памятуя, что на крайний случай у него еще осталось осеннее пальто. Не случайно многие любившие его женщины так и не рискнули связать с ним узами брака свой жизненный путь, справедливо полагая, что никакая семья не сможет положить предел подобному безграничному доброхотству, в полном смысле слова не знающему никаких социальных границ и даже нравственной меры.

Так есть ли выход из такой сложнейшей нравственно-психологической апории без разрушения моральной природы *слишком* доброго человека и уж тем более без профанации самого феномена человеческой *взаимопомощи*, на которой, вне всяких сомнений, зиждется жизнедеятельность любого сообщества — как замечают современные этологи, отнюдь не только человеческого?

Как нам представляется, весьма достойный выход из разрываемого всеми муками и терзаниями этого мира *положения* доброхота в обществе предлагает именно *христианский этос*, рекомендуя своим последовательным приверженцам в самом делании добра отделять эмоциональный *порыв* от внимательно-го и выверенного *деятельного участия* к человеку, подвергая нравственно-психологическую *аффектацию добра* спокойной и терпеливой аналитике. Вот что по данному поводу писал преподобный оптинский старец Амвросий одной из своих духовных дочерей: “Ты спрашиваешь, хорошо ли сделала, занявши для странницы 5 р. и отдавши ей новые сапоги П., которые ей самой были нужны. Отвечаю: нехорошо, очень нехорошо, и очень неосновательно. Вперед так не делай ни по какому поводу. Нигде не написано, для милостыни занимать деньги и делать такое благотворение, за которым неминуемо следует смущение для тебя и для других” [4]. Вообще же добро, творимое, как уже говорилось, без разбору, по неудержимому нравственно-психологическому порыву, что возникает во внутреннем мире доброхота как практически непреодолимый *аффект милосердия*, рано или поздно может обернуться для него самым

Постановка “Тимон Афинский” в театре “Олд-Вик” (Лондон). Тимон — Р. Ричардсон. 1956–1957

радикальным жизненным крахом. Этот самый сложный переход от беспредельной любви к человечеству к столь же беспредельной ненависти к нему, осложняемый к тому же крайними формами мизантропии, прекрасно понимал У. Шекспир. В одной из своих трагедий великий поэт и драматург вложил в уста своего персонажа такие слова:

Мой бедный господин, ты пал навеки,
Погубленный своею добротой!
Не странно ли, что самый тяжкий грех —
Стремление творить добро для всех?
Так кто ж дерзнет хотя б наполовину
Таким же быть, как он, коль доброта —
Бессмертных свойство — губит человека? [8].

Бывший величайшим доброхотом, Тимон Афинский, о котором рассказано в приведенном отрывке, действительно окончил жизнь убежденным мизантропом, яростно ненавидящим облагодетельствованных им людей и так и не сумевшим простить им предательство своего беспредельного великодушия. Все эти сложные коллизии между *добром*, не желающем и не могущем обрести свою меру в раздираемом враждой, своекорыстием и алчностью мире, свидетельствуют о необычайной сложности морального устройства общества и глубочайшей духовной глубине самой проблемы существования и творения добра. На первый аспект данной проблемы (необходимость соблюдения меры в делании добра) обратил внимание еще Аристотель, а в христианстве дано было откровение о втором (духовная глубина добра в нравственной жизни человека).

(Окончание следует)

Литература

1. *Блаженной памяти старец Паисий Святогорец*. Слова: в 5 т. М.: Святая гора, 2004–2008.
2. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 54.
3. *Ключевский В.О.* Добрые люди Древней Руси // *Ключевский В.О.* Исторические портреты: Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. С. 177.
4. Оптина Пустынь: Русская православная духовность. М.: Канон, 1997. С. 181.
5. Святитель Николай Сербский: Мысли о добре и зле. Минск: Изд-во Свято-Елисаветинского монастыря, 2005. С. 95.
6. *Сабиров В.Ш., Соина О.С.* Нравственный ум человека // *Философия и этика: Сб. науч. тр. к 70-летию академика А.А. Гусейнова*. М.: Альфа-М, 2009. С. 515–530.
7. *Толстой Л.Н.* Казаки // *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 12 т. Т. 3. М.: Худ. лит., 1973.
8. *Шекспир У.* Тимон Афинский // *Шекспир У.* Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.: Искусство, 1960. С. 479.
9. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, 1999. С. 90.